

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Зинаида К. Сабитова

Алматы, Казахстан

Способность предложения быть обращенным одной стороной к объективной действительности, другой – к процессу мышления позволила исследователям рассматривать его как знаковую единицу, означаемым которой является ситуация (событие) действительности и выделять номинативный (семантический, денотативный) аспект предложения, изучающий особенности «пропозитивной номинации» (Н. Д. Арутюнова), в отличие от лексической номинации.

Та часть означаемого предложения, которая представляет собой информативное содержание предложения и имеет познавательное значение, в лингвистике получила название «семантическая структура предложения», или «пропозиция». Считается, что синтаксическая структура предложения является производной от его семантической структуры, своего рода «синтаксической интерпретацией» глубинной семантической структуры (С. Д. Кацнельсон).

Семантическая структура предложения изоморфна структуре внеязыковой ситуации, которую оно называет. Отношения между действительностью, мышлением и языком противоречивые и сложные, поэтому при изучении языковых единиц очень важно учитывать активность познающего субъекта. Говорящий, в зависимости от степени освоенности явлений действительности, от целей, условий общения, так или иначе отражает определенный «кусочек» действительности. Другими словами, для сообщения о той или иной ситуации говорящий использует какую-то определенную, адекватную, с его точки зрения, данной ситуации форму предложения из множества возможных в языке.

Говоря о различных способах представления внеязыковой ситуации, нужно учитывать, что между действительностью и языком существует семантический (идеальный, сигнификативный) уровень языка. Так, Ю.Д. Апресян выделяет в предложении денотативное и сигнификативное (определяемое как способ представления ситуации говорящим) значение и поясняет это различие на примерах *Петр – отец Ивана* и *Иван – сын Петра*, которые имеют одно денотативное, но разные сигнификативные значения [Апресян 1967: 5-6].

Структуру пропозиции образует предикат, который несет в себе существо «положения дел» и задает определенные места для участников события. Например, в предложении *Русский воин сразился с печенегом* выделяется предикат *сразился* и участники ситуации *русский воин* и *печенег*. Названная ситуация сражения, участниками которой являются два человека, имеет пропозициональную структуру Р (S, O). Эта ситуация может быть представлена следующими синтаксическими конструкциями:

- (1) *Русский воин сразился с печенегом;*
- (2) *Печенег сразился с русским воином;*
- (3) *Русский воин с печенегом сразились;*
- (4) *Русский воин и печенег сразились.*

Различные субъектно-объектные отношения в приведенных предложениях представляют собой разную интерпретацию говорящим ситуации сражения. В предложении (1) субъектом является *русский воин*, объектом – *печенег*; в предложении (2) субъект – *печенег*, объект – *русский воин*; в предложении (3) формы именительного и творительного падежа с предлогом *с* выражают «совместный» субъект – комитатив (*русский воин с печенегом*); в предложении (4) налицо два субъекта (*русский воин, печенег*).

Таким образом, одна и та же объективная ситуация может быть представлена различными синтаксическими конструкциями. Совокупность различных способов репрезентации ситуации действительности называют деривационной парадигмой, а предложения в составе парадигмы – членами деривационной парадигмы [Белошапкова, Шмелева 1981].

Мы обратимся к предложениям древнерусского языка, которые выражают значение отсутствия лица, необходимого для осуществления потенциального действия. Проанализировав памятники древнерусской письменности, мы выявили несколько типов предложений – вариантов интерпретации названной ситуации. Ситуацию отсутствия лица, необходимого для осуществления потенциального действия, можно выразить следующими предложениями:

1. *Нѣту ли такого мужа, иже бы ся ялъ съ Печенѣжинѣмъ?* (Повесть временных лет) – ‘Нет ли такого человека (мужа), который мог бы схватиться с печенегом?’;
2. *Нѣсть ли кого, иже бы могъ на ону страну дойти и реци имъ...* (Повесть временных лет) – ‘Нет ли кого-нибудь, кто мог бы перейти на другую сторону и сказать им...’;
3. *Видѣвъ же окрестная села, бѣжащая во градъ, много же множество, и нѣ бѣ ему кого послати* (Галицко-Волынская летопись) – ‘...ему некого было послать (не было того, кого он мог бы послать)’;
4. *Не бѣ кто погребает, а мнози истопошиа бѣжаще в рѣцѣ* (Повесть о битве на Липице) – ‘Некому было погребать (мертвых)... (не было того (тех), мог бы погребать)’;

5. *И не бѣ никогоже въслѣдъ гонящаго, и бѣжаху съ нимъ* (Повесть временных лет) – ‘И не было никого, кто бы гнался (мог гнаться) за ним’;
6. *...и не бы ни единого ж противАщасА благочстнамХ его повелѣнїю* (Слово о законе и благодати Илариона) – ‘И не было ни одного, кто мог бы противиться (противящегося) его благочестному повелению’;
7. *...кнѣзжение мое приметь инъ и въ дворѣхъ моихъ не боудеть живущаго* (Сказание о Борисе и Глебе) – ‘в усадьбе (доме) моей не будет живущих (тех, кто мог бы жить)’.

Значение этих конструкций одно ‘отсутствие лица, обладающего свойствами, необходимыми для реализации потенциального действия’. Важным в них является выражение модального значения возможности, необходимости. Модальное значение возможности может выражаться формой сослагательного наклонения глагола, модальным глаголом в придаточной части: *яль ся бы, могль бы доити и реци* (предложения 1, 2).

Структура приведенных предложений подобна структуре бытийных предложений: бытийный глагол, бытующий предмет (подлежащее, которое могло распространяться определением) и область бытия [Арутюнова, Ширяев 1983]. Бытийный глагол *быти* (*бсть*) в данных конструкциях выражает значение ‘имеется / не имеется, отсутствует в наличии’.

Интерес представляют так называемые «инфинитивные предложения сложной конструкции» [Седельников 1977, 237-244], напр.: *...И нѣ бѣ ему кого послати* (Галицко-Волынская летопись); *...и яко разгорѣся нещъ, бѣ бо утѣла, нача палати пламень утѣлизнами, оному же нѣ чимъ заложити* (Повесть временных лет); *И тако побѣди я помощьюъ божиюю, ...и сбчашуть я, гоняще, аки по и аеру, и не бѣ камо утеци* (Житие Александра Невского); *И рече Святославъ: «уже намъ некамо ся дѣти, волею и не волею стати противу...»* (Повесть временных лет).

В этих предложениях выделяются две части: глагол *есть* (*нѣсть*) и инфинитивное предложение (*кого ему послати; чимъ заложити; камо утеци; камо ся дѣти*). Эти части связаны посредством местоимения или наречия (*кого, чимъ, камо*), роль которых тождественна роли союзного слова в сложноподчиненном предложении.

Инфинитивное предложение по отношению к глаголу *есть* (*нѣсть*) выполняет функцию подлежащего, подобно конструкциям с распространенным определениями подлежащим: *Нѣ бѣ ему кого послати – Не бѣ того, иже (кого) онъ могль послати; не бѣ камо утеци – Не бѣ мѣста, камо они могли утеци*.

В инфинитивных предложениях древнерусского языка выражались модальные значения возможности и необходимости осуществления действия. Так, в инфинитивном предложении *Быти стукъ и грому великому на речке Непрядвѣ, пасти трупу человеческому на поле Куликовѣ* (Задонщина). Ср. предложение *Будеть стукъ и громъ великыи на речке Непрядвѣ*, в котором констатируется совершение будущего действия без каких-либо модальных оттенков возможности или неизбежности.

Употребление инфинитивного предложения в качестве подлежащего рассматриваемых предложений обусловлено его значением – сообщение о потенциальном, необходимом или возможном действии.

Таким образом, древнерусские «инфинитивные предложения сложной конструкции» представляют собой отрицательные бытийные предложения. Известно, что схема бытийного предложения трехчленна: частица *не* + *быти* + существительное в родительном падеже (подлежащее) (*Не бѣ лѣсти въ немь* – Не было в нем лести). Место родительного падежа существительного (подлежащего) в инфинитивных предложениях занимает группа, состоящая из инфинитива и местоимения (наречия) с корнем *къ-*: *нѣ чимь заложити*; *не бѣ ему кого послати*.

Подлежащее, обозначающее бытующий предмет, в приведенных предложениях выражалось различными способами:

1. существительным с определением – придаточной частью присубстантивно-атрибутивногосложноподчиненного предложения (предложение 1);
2. местоимением с определением – придаточной частью присубстантивно-атрибутивного сложноподчиненного предложения (предложение 2);
3. местоимением с определением – инфинитивным предложением (предложение 3);
4. местоимением с определением – кратким или полным причастием (предложения 4, 5);
5. субстантивированным причастием с числительным *единого* или без него (предложения 6, 7).

Во всех анализируемых предложениях определение, относящееся к подлежащему, выполняет выделительную функцию, обозначая свойства, признаки, которым должен отвечать субъект, т.е. качества, необходимые для реализации потенциального действия. Указанная семантика обусловила употребление именно глагольных форм (личных форм глагола, инфинитива, причастий) в роли определения или в составе определения при подлежащем. Ср. в предложениях *И не бѣ никого здѣ*; *И не бѣ сына мньшого* отсутствие определения с выделительной функцией при подлежащем позволяет квалифицировать их как бытийные предложения со значением ‘отсутствие лица в данном месте (но не в группе лиц)’. Ср. также предложения: *Не бысть князя въ градѣ* и *Не бысть кто княжа въ градѣ*, первое предложение имеет значение ‘отсутствие князя в городе’, второе – ‘отсутствие того, кто мог бы княжить в городе’.

Выражение подлежащего именем существительным (предложение 1) обусловлено коммуникативной установкой говорящего, а также характером самой внеязыковой ситуации, напр.: *нѣсть ли такого мужа...* (в данной ситуации необходим именно воин (*мужь*), способный сразиться с печенегом); *Нѣсть у насъ учителя, иже бы ны наказалъ, и поучилъ ны, и протълковалъ святыя кнѣигы* (в данной ситуации необходим именно учитель, который наставил бы славян и объяснил им священные книги).

Употребление местоимения *такого* (*мужа*) в данном случае оправдано самой семантикой конструкции: оно подчеркивает характер неопределенности лица (такого, которому присущи названные качества). Здесь невозможно использование местоимения *того* (*Ньту ли того мужа, иже. . .*), которое указывает на определенное лицо, известное заранее.

Функционирование в роли подлежащего местоимения (предложения 2, 3, 4, 5) также обусловлено коммуникативным заданием и особенностями объективной ситуации: в предложении нужно выразить отсутствие любого (какого то ни было) лица с присущими ему признаками, качествами. «Когда утверждение касается любого объекта, лишь бы ему был присущ тот или иной признак или функция, выбор номинации по необходимости сводится к указанию на данный признак, данную функцию» [Языковая номинация 1977, 199]. Для выполнения отмеченной функции наиболее приспособлены местоимения в древнем корне *къ-*, которые в древнерусском языке еще сохранили свое исконное значение неопределенности.

Особенностью древнерусского языка XI – XII веков является полисемантность местоимений с корнем *къ-*. Они могли выражать:

а) отрицательное значение: *...и ньсть въ немь ничьтоже и не вьсть, тъкъмо Богъ единъ вьсть* (Повесть временных лет) – И нет в нем (в человеке) ничего и не знает никто, только один бог знает; *И не моглоша ему ничьтоже сътворити...* (Повесть временных лет) – И не могли ему ничего сделать;

б) неопределенное значение: *Приде никто влхв, чародеевыи старецъ лукавыи и мечетник...* (Сказание Епифания Премудрого) – Пришел некий (какой-то) волхв...; *«Не видь ли коня никьтоже?»* (Повесть временных лет) – Не видел ли коня кто-нибудь?

Таким образом, употребление местоимений *къто*, *никъто* с присущей им полисемантностью в роли подлежащего отрицательного бытийного предложения обусловлено коммуникативным заданием: выразить отсутствие любого (какого бы ни то было) лица, лишь бы ему были присущи те или иные признаки, качества, необходимые в данной ситуации (см. предложения 2, 3, 4).

В тех случаях, когда неопределенное значение могло выражаться без местоимений *никъто* (*ничьто*), эти местоимения могли опускаться (предложения 6, 7). Ср. аналогичные конструкции в текстологически сопоставимых отрывках «Повести временных лет» и «Сказания о Борисе и Глебе»: *Отроци же его вьсылаху противу, еда къто женеть по немь? И не бь никогоже вьслбдь гоняцаго, и бьжаху съ нимь* (Повесть временных лет); *И посылахуть противу, и не бь ни гоняцаго, ни женуцаго въ слбдь его* (Сказание о Борисе и Глебе).

Употребление местоимений и наречий с корнем *къ-* в «инфинитивных предложениях сложной конструкции» со значением ‘отсутствие лица, необходимого для осуществления потенциального действия’ обусловлено особенностью их значения в древнерусском языке – способностью выражать отрицательное и неопределенное значение.

На примере анализа древнерусских предложений – членов одной деривационной парадигмы – мы продемонстрировали, что в процессе познания конкретная ситуация,

состоящая из разных компонентов, в зависимости от ее интерпретации говорящим может быть представлена в нескольких предложениях. Каждый способ языкового освещения объективной ситуации зависит от коммуникативного намерения говорящего (пишущего), его угла зрения.

Литература

- Апресян, Ю. Д. (1967): *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*, Москва, Наука, 251 с.
- Арутюнова, Н. Д. (1976): *Предложение и его смысл*, Москва, Наука, 383 с.
- Арутюнова, Н. Д., Ширьев Е.Н. (1983): *Русское предложение. Бытийный тип: Структура и значение*, Москва, Русский язык, 198 с.
- Белошапкова, В. А., Шмелева, Т. В. (1981): «Деривационная парадигма предложения», в *Вестник МГУ. Серия 9. Филология*. 1981. № 2. С. 42-51.
- Седельников, Е. А. (1977): *Эволюция структуры и грамматических категорий предложения в русском языке (по памятникам XI – XVII вв.): Дисс... докт. филол. наук.* – Москва, 365 с.
- Языковые номинация (Общие вопросы).* – Москва, Наука, 1977, 359 с.